

Орфенов А.

1985, 8 февр.

В ГОДЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Я считаю себя счастливым человеком — среди многочисленных орденов и медалей, которые я надеваю по праздникам, есть одна — самая для меня дорогая награда — медаль «За оборону Москвы».

Случилось так, что со дня начала войны я не выезжал из Москвы, кроме как в составе фронтовых артистических бригад. Почти с первых дней войны я работал в двух театрах — в Филиале Большого театра (Большой театр еще до начала войны был закрыт на ремонт) и в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Совмещать выступления в двух театрах было трудно, так как, естественно, каждый из них думал только о своих интересах, и в конце концов меня перевели в Большой театр. Было это и радостно, и в какой-то мере закономерным, потому что со многими артистами Большого театра меня связывала творческая дружба, вместе с ними пел я в концертах, исполнял кантаты, оратории, отрывки из опер.

Война! В каждый дом она принесла горе и беду, гибель родных и близких. У меня погибли брат, два племянника, множество родственников.

28 октября бомба попала в здание Большого театра, повредила фойе театра и часть колонн.

Редкий день обходился без налетов вражеской авиации, но со временем каждый из нас, работавших в Филиале, как-то перестал обращать внимание на тревоги — зимой 1941—1942 годов их объявляли по пять-шесть раз в день. Существовал «комендантский час», и после шести вечера ходить

по улицам без специальных пропусков было нельзя, но нам, артистам, их выдавали, и мы ходили или ездили на концерты в госпитали, в воинские части, в Радиокомитет.

Оттапливались лишь некоторые из учреждений культуры. В Филиале при затемненных окнах горели люстры и даже работал буфет. Было голодно, и мы получали один дополнительный обед к военному пайку, который был более чем скромным. А у каждого была семья. Один обед выдавался на руки в столовой, и мы с женой добавляли в тарелку супа кипятком, чтобы хватило двоим детям и нам. И я никогда потом не слышал такого выражения, как «размножать суп». Как же мы ждали во время спектакля Павла Макаровича Непряхина, музыкального служителя оперы, который приносил каждому участнику спектакля по бутерброду.

И в этой холодной и голодной

Москве праздничными огнями сиял зрительный зал Филиала, который заполняли преимущественно военные, командированные по разным делам с фронта, который находился в тридцати километрах от столицы. А на сцене шли «Евгений Онегин», «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Коппелия». Пели С. Лемешев и И. Козловский, В. Барсова и Е. Катильская, Д. Головин и В. Политковский. Свои последние спектакли пел в «Тоске» старейшина театра Л. Ф. Савранский.

Театр не только регулярно давал спектакли (с 22 ноября 1941 года), но и подготовил премьеру оперы Д. Кабалевского «В огне». Участвуя в этом спектакле, я встретился с дирижером С. Самосудом, режиссерами М. Габовичем и Б. Покровским (это была его первая работа в Большом театре). Опера была написана на самый актуальный сюжет — о битве за Москву, о том, как артиллеристы погибали, вызывая «огонь на себя», и вместе с

ними погибали огромные скопления неприятельских войск.

Помню на сцене Филиала свое знакомство с Е. Светлановым. В постановке Л. Баратова в «Евгении Онегине» о приезде Онегина и Ленского извещал Казачок, выбегавший к дому Лариных. Вот этого Казачка и играл мальчик — сын солиста оперы Ф. Светланова и артистки миманса Т. Светлановой. В эти годы в театр пришли — И. И. Петров и И. И. Масленникова, из Куйбышева приезжали для участия в спектаклях солисты оперы и балета, дирижеры.

Артисты, работавшие в Филиале, выезжали на фронт, выступали в многочисленных концертах для бойцов в Москве. У меня хранятся афиши военных лет, где объявлены выступления Н. Обуховой, Е. Степановой, И. Козловского, С. Лемешева, М. Михайлова, А. Пирогова. Жили с одной мыслью: «Все для фронта», «Все для победы» и верили в эту победу. Даже в трудные дни октября и ноября, когда враг стоял у самой Москвы, когда шел праздничный парад на Красной площади, — мы знали, что наше дело правое и враг будет разбит.

В военные годы мне пришлось дважды участвовать в зарубежных гастролях — в Иране, где были временно расположены наши воинские части, и на Балканах, где шла освободительная война за Болгарию, Югославию. Мы обслуживали не только части Красной Армии, но и наших хозяев — партизан Югославии и Болгарии. В те дни я впервые увидел и подружился с революционерами, проводившими десятилетия в подполье или в тюрьмах.

В Филиале Большого театра шло постепенное возобновление репертуара, подготовка новых спектаклей. С. Самосуд решил поставить «Пиковую даму» и сам выступил в качестве режиссера. Запомнился эпизод, в котором Самуил Абрамович использовал элементы кино:

когда Герман рассказывал о похоронах Графини, показывалась проекция, где певший Германа Н. Ханаев в костюме Германа входил «по ступеням черным» и умершая Графиня — Ф. Петрова подмигивала Герману.

Помню шедший довольно часто «Севильский цирюльник». Когда раздавался стук пришедших в дом Бартоло солдат, Базилио спрашивал: «Дон Бартоло! Тревога?». На что Бартоло (после второго стука) отвечал: «Нет, Дон Базилио, это — отбой». Воины, заполнявшие зрительный зал, восторженными аплодисментами встречали эту шутку.

Как известно, телевидение в те годы еще не вошло в дома людей, но радио работало очень активно. Все передачи были только «живые», то есть шли прямо в эфир, — отсюда и многие сложности радиовещания того времени. Нужно было давать симфонические концерты (сохранились их афиши), и, помню, мы с Е. Катильской пели дуэт П. И. Чайковского «Ромео и Джульетта». Концерты обычно проходили в Колонном зале Дома союзов или в Большом зале Консерватории. Одно время они начинались в семь часов утра, так как вечером симфонии не удавалось доиграть — их прерывали воздушные тревоги. Помню, однажды в таком раннем концерте я пел арию Левко и песню Индийского гостя. Для семи часов утра — трудный репертуар. Только что спел я арию Левко, как сверху раздается голос пожарника: «Чего вы зря стараетесь, вас давно отключили — воздушная тревога!».

Это обрывочные воспоминания о страшных, мучительных днях испытаний, выпавших на долю нашего народа. Работники Большого театра выдержали их с честью.

А в день Парада Победы 24 июня 1945 года я пел Герцога в «Риголетто» и вместе со всеми советскими людьми ликовав по поводу торжества нашего великого народа, народа-героя, народа-победителя.

А. ОРФЕНОВ,
заслуженный артист РСФСР.

Декабрь 1941 г. Агитпункт ЦДРИ. Солисты Большого театра А. Орфенов, Е. Степанова и Н. Обухова среди воинов Красной Армии.